

**Александр Глаголев – богослов и священник:
Жизнь в библейском контексте**

«Блажен человек, иже обрете премудрость» (Прит 3, 13)

Задача моего сообщения, как явствует из названия, – рассказать об Александре Глаголеве, богослове и священнике. Надеюсь, никто не поймет эту претензию буквально. Однако некоторые размышления в связи с этим, возможно, будут небезынтересны. Собственно, за понятием «библейский контекст» стоит очевидная истина: богословием можно не только заниматься, но и жить.

Александр Александрович Глаголев (1972 – 1937) принадлежал к той удивительно деятельной, многогранной и щедро одаренной породе русских людей, чьими трудами в России начала XX века осуществлялось дело церковного и духовного возрождения. Старший современник С. Булгакова, Н. Бердяева, П. Флоренского, он и сам был известным ученым, гebraистом. В 28 лет защитил магистерскую диссертацию и сразу обратил на себя внимание как талантливый библеист: его избирают членом Комиссии по научному изданию славянской Библии, по приглашению А.П. Лопухина он пишет комментарии для Толковой Библии. Его имя мы встретим в энциклопедиях и богословских справочниках, включая Библиологический словарь о. Александра Меня, а ссылки на его работы – во всех серьезных исследованиях XX века по библейской истории, экзегетике, исагогике. Тесно с научной была связана преподавательская деятельность Александра Глаголева в Киевской Духовной академии (кафедра Библейской археологии и древнееврейского языка), где он преподавал с момента окончания своей учебы в КДА и до закрытия ее большевиками в 1924 г.

Тем не менее, в нашем сознании имя Александра Глаголева стойко связано прежде всего с образом священника, пастыря, которому, конечно, не были чужды и научные занятия. Хрестоматийный пример – участие о. Александра на судебном процессе по делу Бейлиса. Напомним, что киевскому мещанину еврею Менделю Бейлису, а в его лице и всему еврейскому народу, в 1914 г. ставили в обвинение ритуальное убийство православного мальчика-гимназиста. Александр Глаголев, приглашенный в качестве эксперта, опроверг это обвинение, констатировав объективную невозможность с точки зрения учения Ветхого Завета и иудейской религиозной практики принесения человеческих жертв. Такая объективная позиция, несомненно, потребовала от него личного мужества. Как известно,

обвинительный пафос организаторов киевского процесса поддерживался не только антисемитски настроенными обывателями, но и некоторыми представителями духовенства (в том числе и католического), и от православного священника ожидали, скорее, поддержки обвинения. Есть предположение, что кандидатуру о. Александра, священника безусловно лояльного, к тому же производившего на окружающих (по-видимому, и на юного заводилу гимназиста Михаила Булгакова) впечатление едва ли не робкого человека, выдвинули в качестве эксперта полагая, что он не пойдет «против течения». О мужестве о. Александра мы имеем свидетельство и его старшего сына, Алексея Глаголева, еще одного замечательного киевского священника, писавшего, что его отец в 1905 г. не боялся выйти в облачении с крестом в руке против толп черносотенцев и останавливал погромы. Подобным образом поступал и его друг протоиерей о. Михаил Едлинский, но на этом, пожалуй, исчерпывается список священников, открыто выступавших против еврейских погромов в Киеве.

Другая устойчивая ассоциация, связанная с Александром Глаголевым, – образ «отца Александра» в романе «Белая гвардия» М. Булгакова, в котором о. Александр выведен под собственным именем. Любителям словесности, конечно, известно, что о. Александр был духовником семьи Булгаковых и венчал будущего писателя в 1913 г. в храме Николы Доброго на киевском Подоле, в котором он был бессменным настоятелем в течение тридцати пяти лет. Наконец, мы не можем не сказать и о том, что о. Александр Глаголев почитается Русской православной церковью за рубежом как новомученик. Трагична его гибель в Лукьяновской тюрьме, где он провел последние 36 дней своей жизни после ареста в ночь с 19 на 20 октября 1937 г. Горестно также и то, что Русская Православная церковь в нашем отечестве, уже прославившая сотни российских новомучеников, до сих пор не причислила к их Собору протоиерея о. Александра Глаголева.

Все сказанное выше показывает нам о. Александра прежде всего священником, в самом высоком смысле слова достойным своего пастырского призвания. Однако не только любопытной, но и вполне оправданной, видится попытка взглянуть на поступки и мысли замечательного священника сквозь призму поступков и мыслей богослова, библеиста, каковым о. Александр, несомненно, был всегда. Не будет преувеличением сказать, что библейский контекст – единственный контекст, который он понимал и которым жил. Неслучайно, в «Белой гвардии» отец Александр изображен именно как ученый – в своем кабинете, среди богословских книг, к которым он и апеллирует в разговоре с Алексеем Турбиным: «Я все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше все богословские...» И собственно, он ведет не душпастырскую беседу, а богословский разговор

на тему: «Как жить будем?», цитируя Библию, в частности ту главу из Апокалипсиса, где семь ангелов изливают семь чаш гнева. Это типично глаголевский метод – сразу ввести предмет в библейский контекст и только в нем искать истину. Так он писал об благотворительности у древних израильтян и так он писал экспертное заключение по «делу» современного еврея Бейлиса. Заметим, что и ангел в романе не просто символ, но факт биографии о. Александра Глаголева – главный научный труд которого называется «Ветхозаветное учение об ангелах» (1900 г.). Михаил Афанасьевич не мог о нем не знать. К фрагменту романа мы еще вернемся, а пока подчеркнем: вне библейского контекста нельзя представить ни мысль, ни саму жизнь о. Александра Глаголева.

С сугубо библейской страстностью можно сравнить, например, его желание, чтобы сын Алексей – первенец – не просто пошел по его стопам, но стал епископом. (В скобках скажем, что Алексей очень рано почувствовал призвание к священству, домашние называли его «аввой», кроме того, он был необыкновенно способным к наукам, блестяще закончили гимназию, в 1923 г. – КДА, а в 1940 – физико-математический факультет Киевского Пединститута). Но также и поистине с библейской мудростью и смирением он принял «удар судьбы» – женитьбу в 1924 г. сына, разрушившую его высокие ожидания. Более того, о. Александр сам венчал молодую пару – Алексея и Татьяну в храме Николы Доброго и был крестным отцом их первенца Магдалины, которую, конечно же, наименовал «бэхора бэхор» – что по-еврейски означает «первородная дочь первородного сына». Бесспорно, это сюжет в библейском духе.

Такое направление мыслей и поступков о. Александра, несомненно, обнаруживает богословскую закваску. Нельзя не сказать, хотя бы бегло, о его самом известном и значительном труде, принесшем ему вместе со званием магистра широкую известность в научном мире, – диссертации «Ветхозаветное учение об ангелах». В этом исследовании впервые систематически и наиболее полно в отечественной библеистике была изложена ветхозаветная ангелология, включая демонологию. Материал книги (а это несколько сот страниц), собранный по крупницам из комментариев по Ветхому Завету, поскольку специальных работ в русской богословской литературе не было, представляет собой (цитирую) «полное историческое обозрение генезиса и постепенного развития этого учения на протяжении всей священной истории ВЗ, заключающейся в ветхозаветных книгах». «Трудность задачи, которую поставил перед собой ученый, – читаем мы в Библиологическом словаре Александра Меня, – заключалась в том, что в Библии термин «ангел» (maleah) имеет разнообразные значения. Нередко под Ангелом Господним (maleah iehovah) подразумевалась

особая форма Богоявления или же пророк, говорящий от лица Бога. Кроме того, взгляды на ангелов как на существа сверхчеловеческие претерпели в богословии ВЗ ряд изменений». Александр Глаголев проанализировал все имена ангелов в Писании и убедительно показал взаимосвязь ангелологии с ветхозаветной христорогией. Не имея данных по истории религий Древнего Востока, которыми располагает современная наука, он предвосхитил многие выводы современной библеистики (см. Библиологический словарь о. Александра Меня). Чрезвычайно интересно им дано толкование многих библейских сюжетов. Один из примеров – объяснение сложнейшего с точки зрения экзегетики эпизода борьбы Иакова с Ангелом Господним: «В таинственном борении Ангела Иеговы, – пишет Александр Глаголев, – указан самый дух, сущность заветных отношений между Богом и человеком. В духовном борении молитвы, смирения и самопреданности воле Божьей показан был истинный смысл бытия и деятельности не только патриарха Иакова, но и всего его будущего потомства. Глубокая суть явления может быть выражена так: не в плотских человеческих средствах защиты – сила Израиля, а в общении с руководителем и основателем теократии – Ангелом Иеговы». Таким образом, Ангел Иеговы недвусмысленно трактуется как ипостась Бога-Яхве, божественная личность, соравная Богу, но и отличная от него по своей внешней деятельности относительно избранного народа, защитником и спасителем которого Он с этого момента становится. В библейском контексте истории спасения ветхозаветный Ангел Господень как устроитель ветхозаветной теократии очевидно есть прообраз новозаветного Слова-Логоса.

Христорогическая идея – основной принцип библейской экзегетики Александра Глаголева, прозревающей в ветхозаветных теофаниях и ангелологии прообразы воплощенного Бога-Слова и Бога-Любви Нового Завета. И во многих установлениях ветхозаветной теократии (напр., благотворительности и брака у древних евреев, глубоко раскрытых в ряде библейско-экзегетических очерков), сквозь привязанность иудейского сознания к букве и закону, библеист усматривал непреходящий, вневременной религиозно-нравственный смысл. Нам видится вполне доказательной в библейской экзегетике общность и преемственность искупительной идеи, идеи домостроительства спасения в обоих заветах. Но это далеко не очевидно было в начале XX века, когда в Европе, а затем и в России ряд известных религиозных деятелей, литераторов (среди них В. Розанов, М. Меньшиков, А. Эртель) выступили с обличениями Ветхого Завета в «аморализме» и требовали исключить ветхозаветные тексты из богослужений, а также школьных программ. В ответ Александр Глаголев написал большую статью «Ветхий Завет и его непреходящее значение в Христианской церкви» (1909 г.), в которой показал, среди прочего, сколь вопиюще

невежество обличителей Ветхого Завета. Как кажется, и для нас остаются вполне актуальными такие, например, его слова: *«только глубокое неведение этих людей в Писании, то неведение, каким мы, русские, грешим очень давно и которое, по св. Иоанну Златоусту, есть источник всякого зла, могло привести ревнителей веры и святыни к столь неприкрытому поруганию той и другой»* (то есть ВЗ и НЗ).

В этом контексте Александр Глаголев остается для нас педагогом в исконном смысле этого слова. Человеком, ведущим нас, маленьких, за руку. Потому, что знает дорогу. К нему мы можем безошибочно применять практически все библейские заповеди. Главным критерием его поступков, как священника и как ученого, была, несомненно, открытая в богочеловеческих отношениях любви вечность: *«И по требованию науки, а еще более по обязательству святой веры нашей, – говорил в проповеди о. Александр, – мы должны, братие, рассматривать все предметы и ценности с точки зрения вечности. А таким вечным руководящим началом может быть лишь николиже отпадающая любовь»*. О том, что это не теоретизирование, свидетельствовала вся его жизнь и, прежде всего, отношения с самими разными людьми. Приведу лишь несколько общеизвестных фактов. Александр Глаголев принимал самое непосредственное участие в хлопотах о присвоении профессорского звания (за которым следовало и повышение оклада) Афанасию Ивановичу Булгакову, отцу весьма большого семейства, к которому принадлежал и будущий автор «Белой гвардии». Он продолжал помогать семье Булгаковых и после смерти кормильца. А в 20-е годы дом Глаголевых (тот самый «домишко» из «Белой гвардии», стоявший на Покровской улице под номером 6), стал поистине спасительным ковчегом для многих беженцев, наводнивших Киев. Внучка о. Александра, М.А. Пальян-Глаголева в своих воспоминаниях упоминает десятки имен тех, кто жил в это время в доме дедушки, среди них: псаломщицу Е.А. Максимович, племянниц Манюшу, Ларису, Лелю, их брата Аркадия, детей сельского священника о. Павла Мартынюка – Сергея и Катюшу, семьи Крыжицких, Околовичей. Народа было так много, что нянечке Дуняше, нашедшей в свое время также приют у Глаголевых (она 18-летней сбежала от родителей из деревни), приходилось спать на кухонной плите. О внимательном отношении о. Александра к людям характерным образом говорит эпизод со следователем, допрашивавшем его в Лукьяновской тюрьме в 1931 г. (тогда после полугода допросов его выпустили за неимением доказательств). Следователь однажды так увлекся разговором со священником, что неожиданно признался: «Вы мне задали вопросов больше, чем я вам».

Богословие, стоящее за поступками такого рода, безусловно высшее, глубочайшее – это богословие жизни, богословие любви, к которому приложимы слова, сказанные Александром Глаголевым об апостоле и евангелисте Иоанне Богослове: *«Святой Иоанн потому и соделался возвышеннейшим богословом..., что – еще ранее – горел божественным пламенем любви к Богу и к людям и истину своего Боговедения и своего учения о любви свидетельствовал делом всей своей жизни»*. Эти слова в полной мере можно отнести к о. Александру, который, несомненно, *истину своего Боговедения*, то есть понимания Слова Божия, и *учения о любви*, то есть пастырства, свидетельствовал *делом всей своей жизни*.

Мы можем проиллюстрировать и другими примерами «богословское отношение» Александра Глаголева к жизни, в том числе и в самых стесненных обстоятельствах. Так, в 1930 г., когда семью Глаголевых высели из священнического дома на Покровской улице, известный ученый, профессор и последний ректор КДА поселяется в колокольне храма Великомученицы Варвары на лестничной площадке. Из мебели – маленькая кроватка для матушки Зинаиды Петровны и сундук. Здесь, после многочасовых служб, устроившись на сундуке, о. Александр продолжал писать научные работы, переводить и между прочим брал уроки итальянского. Еще упомянем и о свидетельстве священника Кондрата Кравченко, сидевшего в 1937 г. в Лукьяновской тюрьме вместе с о. Александром. По его словам, обычно следователи допрашивали арестантов ночью, применяя к ним так называемые спецприемы, например, заставляли стоять часами в неудобном положении с запрокинутой головой. Сам Кравченко, переживший потом этапы и лагеря за Полярным кругом, с ужасом вспоминал два таких допроса. О. Александра Глаголева таким образом допрашивали 18 раз.

Наконец, вернемся и к важному для нас эпизоду из «Белой гвардии». Вы помните, конечно, что ответил священник Алексею Турбину. Да, впереди всех ждут тяжелые испытания. Но унывать-то не следует. «Уныния допускать нельзя, – конфузливо, но как-то очень **убедительно** (выделено мною – К.С.) проговорил он. – Большой грех – уныние...» Эти слова звучат особенно убедительно, когда мы представим, что сказаны они были во времена, когда Турбиным и Булгаковым казалось, что слово окончательно и бесповоротно взял «товарищ Маузер». Михаил Афанасьевич, всегда точный в деталях, верно передал и саму суть богословия о. Александра Глаголева как альтернативы человеческому унынию и жестокости. Суть его в том, что Божья милость больше всех страданий на земле, человеческих и Божьих, заслуженных и незаслуженных. Божья милость во всем, всегда и для всех. Поэтому унывать – грех.

В заключение я бы хотел заметить, что было бы неверно из сказанного сделать вывод, будто в лице о. Александра Глаголева мы видим исключительный случай. Против этого возразил бы в первую очередь сам о. Александр. Он бы, несомненно, привел в пример десятки и сотни людей, в высшей степени достойных называться и богословами, и учителями, и пастырями. Говоря о самом больном, что есть в нашей Церкви, о том, что христианство в большинстве случаев не воплощается нами в жизни, что сама мысль о современных христианах *«удручающая, а наблюдение – безотрадное»*, он тем не менее добавляет: *«Но мы, братие, должны знать, что каждое из прежних поколений встречало подобные же трудности на пути к совершенству и спасению. Не напрасно еще ветхозаветный мудрец предостерегал людей от безотрадного взгляда на жизнь современную им: «Не говори, отчего это прежние дни были лучше нынешних? Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Еккл 7, 10)»*.

Свое выступление я бы хотел закончить словами св. Иоанна Златоуста, имеющими ко всему сказанному о жизни отца Александра Глаголева прямое отношение: *«Не будем думать, что заповедей Божиих не возможно исполнить; и ныне многие исполняют их. Если же ты этого не знаешь, то ничего нет удивительного. И Илия думал, что остался только один, но услышал от Господа, яко оставил себе семь тысяч мужей»* (Иоанн Златоуст «Толкование на Евангелие от Матфея. Беседа 21).